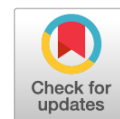

Дискуссия по итогам ознакомления с содержанием статьи В.В. Хилюты «Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности»¹

Печегин Денис Андреевич,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник,
Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
E-mail: crim5@izak.ru

Аннотация. В статье «Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности» В.В. Хилюта² указывает на то обстоятельство, что вектор развития уголовно-правовых отношений в ходе формирования общества новой эпохи вскрывает необходимость анализа и поиска путей перехода к новым формам воздействия на человека в целях предотвращения совершения преступлений. Автор обращает внимание на кризис института наказания. Предлагает пересмотреть учение о наказании с культурологических и духовно-нравственных аспектов, причем с уклоном в сторону превенции в форме «досрочного» применения уголовно-правовых мер воздействия на личность. По мнению В.В. Хилюты, только кардинальное изменение существующих социально-экономических и культурных установок социума и уход от принципа равенства всех перед законом в сторону дифференциации наказания и лиц, совершающих противоправное деяние, при учете их социального статуса, способны привести к качественным преобразованиям уголовного законодательства в целом. Им прогнозируется переход от концепции наказания как возмездия за содеянное к средствам превентивного уголовно-правового воздействия. Настоящая статья посвящена дискуссионному анализу аспектов уголовного права, связанных с институтом наказания, по итогам ознакомления с содержанием статьи В.В. Хилюты. Высказываются контрдоводы, ставящие под сомнение целесообразность предлагаемых решений.

Ключевые слова: наказание, кризис института наказания, уголовное законодательство, уголовная политика, уголовно-правовое воздействие, превенция.

Тема кризиса института наказания не является новой для доктрины уголовного права. «Определенный кризис сложившихся в начале и середине XX столетия взглядов на наказание наметился в 70-е гг., когда в западном правоведении все более отчетливо стал проявляться упадок “идеала реабилитации”, и как следствие наступил конец долгой гегемонии либеральных подходов к преступлению»³.

Акцентируется внимание на кризисе института наказания и в настоящее время⁴. Звучат предложения о необходимости смещения акцентов с института наказания как такового в сторону уголовно-правового воздействия.

Институт наказания сегодня, как кажется, действительно приобретает некоторые «видимые» элементы архаичности. Неэффективность того или иного вида наказания и, как следствие, отсутствие действенных методов преодоления негативных социальных отклонений, девиантного поведения должны, при ближайшем

¹ Хилюта В.В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 3.

² В.В. Хилюта — к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

³ Головки Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве // Правоведение. 1998. № 3. С. 103.

⁴ Kurtis B. The death penalty on trial: crisis in American justice. N.Y., 2004. 218 p.; Criminal Justice Confronting The Prison Crisis / [ed. E. Rosenblatt]. Boston, 1996. 374 p.; Сулейманова С.Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады // Lex russica. 2016. № 7. С. 103–115.

рассмотрении, повлечь необходимость поиска решений с учетом уровня развития науки уголовного права, криминологии, а также экономики⁵.

Пожалуй, можно согласиться с тем обстоятельством, что бывают случаи, когда назначение и исполнение наказания, например в виде лишения свободы, не оказывает никакого эффекта на личность осужденного, который остается «при своем мнении» несмотря ни на какие обстоятельства. Однако в большей степени это связано с конкретной личностью, а не с институтом наказания как таковым. Да, на состояние института наказания оказывают влияние также и внешние условия. Вместе с тем создание необходимого уровня обеспечения эффективной реализации того или иного вида наказания выходит за рамки⁶ самого института наказания, равно как и субъективное отношение граждан к нему.

Имея опыт работы помощником районного судьи по уголовным делам в г. Москве, мне приходилось видеть различное отношение к уголовному процессу, суду и наказанию со стороны подсудимых. Между тем многие из них все же осознавали содеянное и буквально ждали окончания процесса и назначения наказания для того, чтобы хоть как-то успокоить свою совесть или искупить вину. Это подчеркивает то обстоятельство, что так называемый кризис института наказания в доктрине уголовного права не представляет собой *res in se* или правовую конструкцию *sui generis*, но напрямую связан с социокультурными трансформациями общества на современном этапе его развития. Но можем ли мы с достоверностью сказать, что та или иная выборка отношения к институту наказания со стороны граждан, которые в большинстве случаев даже не совершали преступлений и не имели опыта отбывания уголовного наказания, является достаточным основанием для подтверждения тезиса о кризисе этого института? Данный вопрос, пожалуй, заслуживает лишь отрицательного ответа.

Современное общество постоянно сталкивается с ситуациями, в которых зримо проступают различия или несовпадения права и морали. В текущих условиях российского общества

противоречия между правом и моралью, а также нравственностью крайне обострились. Моральные основы нашего бытия подорваны, процветает не только правовая, но и нравственный нигилизм. Это влечет за собой чрезмерно формализованное отношение к нормам права, а по факту — ведет к неоинквизиции в виде инструктивистской направленности преобразования законодательства.

Может, так называемый кризис института наказания не связан с ним как таковым, а все же коренится на иных страстях жизни государства и общества?

Так или иначе, но на протяжении всего текста указанной выше статьи В.В. Хилjuta констатирует кризисное состояние института наказания в уголовном праве. Между тем автор не поясняет и не доводит до читателя свою позицию относительно данного дискурса. Иными словами, не хватает собственного авторского ответа на вопрос: действительно ли существует этот «кризис» наказания как института уголовного права в отрыве от социокультурных трансформаций отношения общества к уголовной юстиции⁷. Постановка такого вопроса необходима, поскольку сегодня многие авторы слишком глубоко анализируют именно социальные причины обозначенного «кризиса», тогда как доктрина уголовного права оказывается на втором плане. Такой маневр позволил бы абстрагироваться от влияния голосов ученых в пользу существования кризиса, во взаимосвязи с социумом⁸, а равно тенденции к либерализации (неолиберализации) уголовно-правовых конструкций и объективно подойти к решению задачи.

В действительности же не совсем понятно, кто и почему, а главное, зачем продвигает идею о том, что, дескать, в уголовном праве с наказанием все плохо и *de facto* ничего не работает. Речь идет о том, что «все плохо» именно сейчас, в данный конкретный момент времени. В частности, В.В. Хилjuta подчеркивает: «По всей видимости [после имплементации технологий менеджмента к публично правовым институтам — Д.П.], теперь настал черед уголовного права». Причины такого неизбежного вывода не поясняются.

Следуя заложенной автором в статье логике, получается, что у всего есть свой срок и вот настало время перемен, тем более раз они принимаются на Западе в том или ином виде. Однако мысль о переменах в статье не подтверждена объективными данными на достаточном

⁵ Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46-59; Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.; Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. 208 с.; и др.

⁶ В теории выделяют формальный и материальный критерии цели наказания, однако ни тот, ни другой не выходят за пределы уголовно-правовых норм. См.: Лапшин В.Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 75-85.

⁷ Жалинский А.Э. Немецкая уголовно-правовая наука на смене тысячелетий // Уголовное право. 2002. № 4. С. 136-139.

⁸ Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2. С. 63-66.

уровне, идет лишь общий посыл о том, что реформы в данном направлении реализуются за рубежом, в связи с чем и мы, дескать, должны что-то предпринять, особенно в цифровую эпоху. Вот только общество с его устоями нам, как по сути утверждает автор, «мешает» это сделать. Поэтому цель исследования, заложенная автором в статье⁹, видится не достигнутой.

К сожалению, данная ситуация характерна как для современного общества в целом, так и для науки в частности. Каждый год принимается рекордное количество законопроектов, связанных с изменением порядка производства уголовных дел либо конструкции отдельных составов преступлений. Причем зачастую законопроекты предлагаются не в связи с необходимостью, а для того, чтобы формально создать видимость активной деятельности, «новых преобразований» и т.п., хотя основу уголовно-правового конфликта как составляли преступления *mala in se*, так и будут составлять. Во многом это объясняется порядком учета эффективности деятельности государственных органов, которая связывается сегодня лишь с количественными статистическими данными, но не с качественными, что наблюдается в каждом учреждении. Так, оценка эффективности органов законодательной власти зависит от количества внесенных за год на рассмотрение законопроектов. Эта же проблема экстраполируется и на доктрину уголовного права, в том числе в связи с предложениями по совершенствованию тех или иных институтов, поскольку под те или иные новшества часто подводится недостаточно объективированная основа, без стремления предложить пути повышения эффективности реализации действующих механизмов.¹⁰

Если идти совсем далеко, то в преломлении прогноза автора относительно преобразований института наказания и уголовного законодательства можно представить себе будущее уголовно-правового воздействия на личность в виде лишения права на Интернет, ограничения возможности просмотра видео на YouTube,

запрета состоять в определенных сообществах в социальных сетях, покупать билеты на самолет и прочее. Наверное, тогда, в это «прекрасное» время, осужденный и сможет осознать «вину» за содеянное и исправиться, ведь он лишится таких «жизненно» необходимых прав или привилегий. Между тем даже если принять за основу такое абсурдное преломление института наказания, то его характеристика в качестве воздаяния за содеянное со стороны общества (государства) остается на своем месте. Другими словами, наказание (или уголовно-правовое воздействие) в любом случае будет связано с принуждением и причинением личности страданий, хоть и весьма своеобразных, только на этот раз еще до того, как деяние будет совершено фактически. Значит, проблема заключена все же не в институте наказания, а в тех социальных предпосылках, которые формируют уровень эффективности отдельных видов наказания.

Если же мы обратимся к анализу поднятых вопросов, как и предлагает нам автор, без отрыва от социокультурной обстановки в обществе, то непонятно, почему в анализируемой статье не принимается в расчет проблема защиты прав личности в рамках гражданско-правовых процедур? А ведь это напрямую влияет на отношение граждан к государству и в том числе к уголовной юстиции. Диктат формального отношения к человеку и его правам, а также стремление к инструктивизму в правоприменительной и судебной практике и подкрепляет сегодня идеи нигилизма среди граждан, снижая степень эффективности заложенных в законодательстве методов противодействия преступности.

В этом отношении предложение В.В. Хилюты связать меры уголовно-правового воздействия с мерами безопасности, например в виде досрочного лишения родительских прав [причем непонятно, за что именно — Д.П.], закладывает в инструктивистскую основу современного «правоприменения» и «правопонимания» такую дискрецию, которую легко можно будет использовать во зло с целью манипулирования человеком и его тотального подчинения, а по сути рабства или, лучше сказать, цифрового рабства.

Допустим, родители откажут ребенку в покупке смартфона, даже самого простого. Означает ли это, что к таким родителям, если их ребенок или его учитель обратятся в соответствующие инстанции, придут органы опеки, оштрафуют их и заберут ребенка до тех пор, пока родители не пройдут курсы современной социальной жизни и не купят ребенку смартфон под страхом превентивного уголовно-правового воздействия в виде лишения родительских прав? По всей видимости, так и будет, раз,

⁹ «Цель исследования: определить место наказания и мер уголовно-правового воздействия в структуре уголовного права и перспектив их дальнейшего совершенствования с учетом смены научных парадигм и формирования новой цифровой эпохи. Задачи исследования: на основе идентификационных признаков наказания и уголовно-правового воздействия показать причины кризиса института наказания в уголовном праве и существующие противоречия в разрешении уголовно-правовых конфликтов». (Хилута В.В. Указ. соч.)

¹⁰ Например, посредством более четкой регламентации порядка и оснований применения конкретного наказания и его размера к осужденному при постановлении приговора. О проблемах правоприменения см.: Анощенко С.В. Основа справедливого наказания // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 106-112.

следуя логике авторского подхода, ювенальная юстиция в зарубежных государствах сегодня развита, а мы, так сказать, стоим на месте и ничего не делаем.

Деструктивность такой позиции только подкрепляется ожиданием автором будущих преобразований уголовного права в связи с «необходимостью» дифференцированного применения уголовно-правовых мер воздействия к личности преступника в зависимости от его социального статуса в обществе. Такая система внедрена в практике Китая, где в жизни общества присутствует элемент цифрового статуса личности, получаемого в зависимости от поступков (покупка вина снижает общий балл, занятие спортом или просмотр видео прогосударственной направленности этот балл повышает).

Все новое — это хорошо забытое старое. Та система уголовно-правового воздействия, которая сегодня разрабатывается и внедряется на Западе и частично на Востоке, по своей сути, есть не что иное, как возвращение на новом витке развития государств к механизмам управления раннефеодальным обществом. Снова появляются частные деньги — криптовалюты, внедряются элементы сословности правосудия — формируется самостоятельное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство для предпринимателей, дифференцируются меры уголовно-правового воздействия в зависимости от социального положения подсудимого, штраф¹¹ становится основным и самым востребованным видом наказания, а идея закрепления статуса «репрессированного» за лицом, уже отбывшим наказание, как говорится, на всякий случай, — по существу возрождает механизм исторически третьего вида приговора в форме оставления под подозрением.

Наверное, не за горами и то время, когда решение дела по существу будет зависеть от «физического» поединка сторон в виртуальной

реальности (конечно, если судья или робот-судья не сможет определиться однозначно, кто из сторон действительно прав).

Список литературы

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. 144 с.
2. Анощенкова С.В. Основа справедливого наказания // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 106-112.
3. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М., 2008. 208 с.
4. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном английском праве // Правоведение. 1998. № 3. С. 103-112.
5. Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой теории // Право и политика. 2001. № 2. С. 63-66.
6. Жалинский А.Э. Немецкая уголовно-правовая наука на смене тысячелетий // Уголовное право. 2002. № 4. С. 136-139.
7. Кашепов В.П. Преобразование институтов Общей части уголовного права посредством дополнительного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 5-15.
8. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика современной России: проблемы пенализации и депенализации // Закон. 2015. № 8. С. 46-59.
9. Лапшин В.Ф. Истинная цель уголовного наказания и критерии ее достижимости // Журнал российского права. 2018. № 5. С. 75-85.
10. Сулейманова С.Т. Эволюция целей наказания в уголовном праве России и Канады // Lex russica. 2016. № 7. С. 103-115.
11. Хиллс В.В. Наказание и уголовно-правовое воздействие: поиск оптимальной модели противодействия преступности // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 3.
12. Criminal Justice Confronting The Prison Crisis / [ed. E. Rosenblatt]. Boston, 1996. 374 p.
13. Kurtis B. The death penalty on trial: crisis in American justice. N.Y., 2004. 218 p.

¹¹ Кашепов В.П. Преобразование институтов Общей части уголовного права посредством дополнительного законодательства // Журнал российского права. 2013. № 4. С. 5-15.

Discussion on the Results of the Article of V.V. Khilyuta «Punishment and Criminal Impact: Finding the Best Model for Countering Crime»

Pechegin Denis,

senior researcher, PhD

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

E-mail: crim5@izak.ru

Abstract. *In the article “Punishment and criminal impact: finding the best model for countering crime” V.V. Khilyuta points to the fact that the vector of development of criminal-legal relations in the course of the formation of a new era of society reveals the need for analysis and search for ways to transition to new forms of influence on the person for the purpose of prevention of commission of crimes. The author emphasizes the crisis of the institution of punishment. Proposes to revise the doctrine of punishment with cultural, spiritual and moral aspects, and with a bias towards prevention in the form of “early” application of criminal measures of influence on the person. According to V.V. Khilyuta, only a radical change in the existing socio-economic and cultural attitudes of society and the departure from the principle of equality of all before the law in the direction of differentiation of punishment and persons committing an illegal act, taking into account their social status, can lead to qualitative transformations of criminal legislation as a whole. He predicts the transition from the concept of punishment as retribution for the crime to the means of preventive criminal legal impact.*

This article is devoted to a discussion of the analysis of aspects of criminal law related to institution of punishment, on the basis of acquaintance with the content of article V.V. Khilyuta. There are counter-arguments that call into question the appropriateness of the proposed solutions by him.

Key words: *punishment, crisis of the institution of punishment, criminal legislation, criminal policy, criminal impact, prevention.*

References

1. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegaylo E.F. Russian criminal policy: overcoming the crisis. Moscow, 2006. 144 p.
2. Anashenkov S.V. The Foundation of a just punishment // Journal of Russian law. 2017. No. 4. P. 106-112.
3. Criminal Justice Confronting The Prison Crisis / [ed. E. Rosenblatt]. Boston, 1996. 374 p.
4. Dubovik O.L. Crisis of criminal law and criminal law theory // Law and politics. 2001. No. 2. P. 63-66.
5. Gavrilov B.Ya. Modern criminal policy of Russia: facts and figures. Moscow, 2008. 208 p.
6. Golovko L.V. Alternatives to criminal prosecution in modern English law // Pravovedenie. 1998. No. 3. P. 103-112.
7. Zhalinsky A.E. German criminal law science at the change of millennium // Criminal law. 2002. No. 4. P. 136-139.
8. Kashepov V.P. Transformation of the institutions of the General part of criminal law through additional legislation // Journal of Russian law. 2013. No. 4. P. 5-15.
9. Khilyuta V.V. Punishment and criminal-legal impact: search for optimal model of crime counteraction // Russian journal of legal studies. 2019. No. 3.
10. Korobeev A.I. Criminal law policy of modern Russia: problems of penalization and depenalization // Law. 2015. No. 8. P. 46-59.
11. Kurtis B. The death penalty on trial: crisis in American justice. N.Y., 2004. 218 p.
12. Lapshin V.F. The true purpose of criminal punishment and criteria of its attainability // Journal of Russian law. 2018. No. 5. P. 75-85.
13. Suleymanova S.T. Evolution of punishment goals in criminal law of Russia and Canada // Lex russica. 2016. No. 7. P. 103-115.